
Полк. П. Н. Богдановичъ
Полтавская викторія
ко дню ея 250 лѣтія
27 іюня 1709 – 27 іюня 1959
„Наша Страна"
Буэносъ Айресъ

Полк. П. Н. Богданович

ПОЛТАВСКАЯ ВИКТОРИЯ

ко дню ее 250-летия

27 ИЮНЯ 1709 — 27 ИЮНЯ 1959

"НАША СТРАНА"
Буэнос Айрес — 1959

P. N. Bogdanovitch

ANIVERSARIO DE

LA VICTORIA DE POLTAVA

27 DE JUNIO 1709 — 27 DE JUNIO 1959

"NUESTRO PAIS"
Buenos Aires — 1959

Считаю своим приятным долгом выразить здесь мою глубокую признательность —

Георгию Александровичу БЕНУА
за выполненную им обложку, план полтавского сражения и общую карту;

Павлу Александровичу МЕЩЕРСКОМУ
за предоставленные им пособия из его ценной библиотеки.

П. БОГДАНОВИЧ.

27 июня 1959 года.
Буэнос Айрес.

I.

ПРОЛОГ

Гений Карла не блистал знаниями, но его душа носила печать наивысшей доблести, непоколебимой твердости и способности к принятию самых отважных решений.

Фридрих II Великий.

В самом конце XVII века на шведском престоле появился 15-тилетний мальчик, в высшей степени необыкновенный по своим качествам характера и своего существа. В нем как бы отражались черты его пращуров — водителей германских дружин, завоевателей древнего Рима. В этом отпрыске баварской династии Виттельсбахов, как в фокусе лучей, собрались старинные сказания и весь героический эпос и вся слава и величие конквистадоров Южной Европы. В нем кипела буйная кровь основателей европейских и африканских империй, вождей презиравших материальные блага Земли и безостановочно гнавшихся лишь за славой, но не имевших интереса и умения закрепить за собою созданные их мечем государства.

Чтение биографий знаменитых полководцев, и на первом месте — жизнеописание и походы Александра Македонского, занимало у него много времени. Охота, парады и маневры также пользовались его особенным вниманием.

По своим взглядам. замашкам, вкусам и устремлениям Карл XII явился на свет на столетия позже свойственного ему времени.

Весь движение и порыв, напряженный, как натянутая до отказа и готовая к броску тетива античного лука, юноша-король ждал с нетерпением зова своей Судьбы.

Его противник — Царь Петр I являл собою концентрацию черт характера русских самодержцев — великих князей и царей с их государственным инстинктом, с их хозяйственностью, скупостью, отстаиванием каждого клочка своей земли, с ненасытной жадностью к наращиванию ее, с их невероятным терпением и нечеловеческой выдержкой.

Петр I, в отличие от своего противника, явился на столетия **раньше** своего времени со своими мозолями, натертыми на судостроительных верфях заводах и фабриках.

Карл XII — барская расточительность, героическое воспоминание давно прошедших времен, страстный игрок, типичный **завоеватель.**

Петр I — государственное скопидомство, прочное народное будущее, постоянный расчет во всем, типичный **преобразователь.**

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА.

Россия, Польша, Саксония и Дания заключили между собою союз с целью, пользуясь молодостью и неопытностью нового шведского короля, вернуть свои земли, которые предшественники Карла XII захватили в свое время у союзников по праву сильного. Таким образом начался ряд войн, имевших место между Швецией с одной стороны и Россией, Польшей, Саксонией и Данией с другой; войны эти, длившиеся с 1700 по 1721 г.г. получили общее название — Великой Северной Войны.

Причины, по которым Россия вошла в эту войну были давнишние — выйти к Балтийскому морю, вернуть удержанные Швецией в 1617 году Ингрию и Карелию и овладеть Прибалтийским Краем, завоеванным королем Густавом-Адольфом в период наибольшей слабости московского государства.

Балтийское море на севере, как и Черное море на юге — те легкие, без которых Россия не могла дышать полной грудью, не могла развиваться, расти, шириться и крепнуть. Одно из них — Балтика, веками зажималось

германизмом, а за другое легкое — Черное море — веками пришлось вести ожесточенную борьбу с Исламом.

При Петре I вопрос этих морей обострился до крайности — усилилось стремление придушить Россию и с севера и с юга и вогнать ее снова в границы Смутного Времени; стремление это было беспощадным — в Балтику вообще нельзя было выйти, а на юге даже выход из Дона в Азовское море турки ревниво держали закрытым.

Непримиримость и заносчивость Карла XII исключили всякую возможность уладить дело миром. Молодой король решил бить порознь своих противников; устремился на ближайшего, на Данию и в четыре недели заставил ее выйти из союза, еще больше обкарнал ее по мирному договору и сразу привлек на себя внимание всей Европы, как новая звезда на военном небосклоне.

В это время русская армия осадила Нарву.

НАРВА.

19 ноября 1700 года, в грохоте снежного бурана, бившего в лицо русским, ястребом бросился король-юноша. Карлу XII не было тогда и 18 лет, на молодую русскую армию, превосходившую численно во много раз шведскую, быстро растрепал ее и принудил к капитуляции.

Нарвой репутация молодого короля была окончательно создана и в Европе и на его родине; военные успехи в Дании и против России, успехи молниеносного характера, потрясли тогдашнюю Европу. Его магнетическому обаянию одинаково поддавались и дети и старики, а его авторитет и воля были непоколебимым законом и для первого фельдмаршала и для самого молодого рекрута, а смерть в бою на его глазах была для всех величайшим счастьем.

После Нарвы Карл XII усвоил себе самое мизерное представление о русских войсках, не отделяя их вообще в своей оценке от впечатлений сражения под Нарвой.

ВЛИЯНИЕ НАРВЫ НА ОБОИХ ПРОТИВНИКОВ.

Выше мы говорили о том, какое место в жизни Карла XII занимала память о знаменитом македонском царе.

Он постоянно читал и перечитывал все относящееся к жизни и деятельности Александра Македонского. Для чтения этой литературы в подлиннике он специально прекрасно изучил латинский язык. Александр Македонский был для него высшим авторитетом в жизненных и военных вопросах; он старался всячески подражать ему. Если взять Нарву и сравнить ее с ошеломляющими победами великого македонянина над персами под Граником и Арбеллами, то получается впечатление, почти удивительное убеждение в том, что все эти три победы были одержаны одним и тем же полководцем — до такой степени все схоже в них.

Постоянное чтение и изучение походов Александра Македонского привели к тому, что особенно и окончательно после Нарвы, Карл XII утвердился навсегда в непогрешимости манеры вести войны и бои, оставленной македонским царем. Эту манеру король усвоил себе с чисто религиозным чувством и на все совершившееся за последние две тысячи лет в области ведения войны смотрел, как на что-то второстепенное.

В этом отношении ошибка короля состояла в том, что совершенно правильно ставя на высочайший пьедестал бессмертные и неизменяемые духовные начала ведения войны и боев, он пренебрегал обслуживанием, отделкой и введением в крепкие рамки этих начал в смысле техники переживаемой эпохи и прогресса стратегической мысли.

Что послужило к непререкаемому созданию такого взгляда? Все та же Нарва. Он ее вел в определенной, законченной атмосфере духовного и тактического характера, инструктированного из глубины тысячелетий гениальным и не знавшим ошибок и поражений полководцем. Для 18-летнего человека Нарва в такой обстановке была той огненной печатью, которая стоит с тех пор

на всех действиях Карла XII, который за последующие за Нарвой девять лет дал около **ста** сражений и боев.

Чтобы понять психологию короля — достаточно краткого обзора в цифрах упомянутых выше трех сражений:

Граник — 100.000 персов царя Дария и 32.500 македонян; потери: персов — 23.000 ч., у макед. — 100 ч.

Арбеллы — 440.000 персов царя Дария и 47.000 макед.; потери: персов — 100.000 ч., у макед. — 500 ч.

Нарва — русских 40-80.000 ч. и 145 орудий; 8.500 шведов и 10-37 орудий. Потери: шведов — 2.000 ч., русских — 6.000 убитых, остальные в плену как и вся артиллерия.

В Европе все знали об обожании Карлом XII Александра Македонского, а лучше других это знал и интересовался живым интересом главный противник шведского короля русский Царь. Все относящееся к Карлу XII, все захватывающее его мысли и чувства, особенно объяснявшие его действия, было чрезвычайно важным для Петра I в смысле познания и понимания своего грозного врага. И естественно, что с литературой об Александре Македонском Царь ознакомился самым тщательным образом. И, несомненно, судя по манере Царя вести войну, что больше всего его внимание было просто приковано следующим фактом в описании походов великого македонянина.

Когда весною 334 года до Р. Х. Александр Македонский начал войну против могущественной Персии, то в ней назначенный главнокомандующим армиями грек Мемнон Родосский, отлично сознавая тактическое превосходство войск Александра над персидскими полчищами, предложил следующий план действий: опустошить всю страну, в которой предполагались военные действия, уклоняться от решительного сражения, отступать во внутрь страны, лишив Александра средств для дальнейшего вторжения, а флотом прекратить всякую связь Александра с Македонией — его базой. План этот был отвергнут персидским царем Дарием III Кодоманом, а летом того же 334 года персы потерпели потрясающее поражение, которое отдало в руки Александра всю Ма-

лую Азию; в этом сражении у персов было 100.000 ч., а у Александра — 32.000 ч., с которыми он стремительно атаковал фланги персов, потери у последних доходили до 23.000 ч., а у македонян лишь 100 чел.

Через **две** с лишним **тысячи** лет совет и указания талантливого стратега и тактика Мемнона Родосского, каким способом надо воевать с противником, превосходящим по тактической подготовке, были целиком приняты и дополнены не менее талантливым учеником — русским Царем.

Отказ Дария от предложения Мемнона тем более странен, что за 179 лет перед этим, когда царь Дарий Гистасп пошел войной на скифов, то последние действовали в смысле предложений Мемнона и Дарий потерял почти всю армию или от стрел скифов или от голода.

Петр I тоже постоянно помнил Нарву, считался с молниеносными приемами короля в ведении военных действий, и, может быть, слишком переоценивал жестокую дисциплину шведской армии, ее удобоуправляемость и подготовку командного состава. Грустный опыт Нарвы в течение многих лет отражался на всех военных мероприятиях московского Царя; он беспрерывно и неутомимо учился у своих противников, он всячески подгонял уровень своей армии под образец шведской и до достижения этого образца держался скифской стратегии и тактики, а именно: уклонялся от больших решительных сражений, окружал противника малочисленными подвижными отрядами, которые не давали покоя шведам, выматывали их силы, подбивали мораль и истощали их терпение, накопляя себе все время опыт и знания в ведении войны против лучших войск тогдашнего мира, потому что молодой король получил в наследство блестящую армию и флот.

Кроме того, Петр I от нарвского опыта взял к руководству самому себе две директивы:

1. "Шведы через неколикое время будут нас побеждать, но в конец так нас выучат, что мы их уже победим".

2. Нарва есть политическое явление не менее, чем военное: под Нарвой умерла отжившая свой век дряхлая Московия и родилась, в лице Петровской Бригады особенно, молодая Российская Империя.

После Нарвы Карл XII повернул на запад, где его ждали более многочисленные в его представлении операции против Польши и Саксонии, а заботу завоевания государства московитов, показавшего у Нарвы такой низкий коэффициент сопротивления, спокойно оставил своим генералам.

Это решение Карла XII было совершенно неправильным: из всех противников его, русский Царь был самым могущественным и опасным. Надо было развивать нарвский погром до полного уничтожения русских сил, и идти на Москву, а не давать времени Петру I сформировать новую армию и закалить и обучить ее в бесчисленных боях, которые были лучшей школой для русских войск. Вместо этого шведский король, устремясь на Августа II, пошел по линии наименьшего сопротивления, и в этом заключается его фатальная ошибка, решившая судьбу всей Великой Северной Войны.

II

НА ЗАВОЕВАНИЕ РОССИИ

Не презирайте своего противника.
Сувоорв

Шел восьмой год Великой Северной Войны, той войны, которая упрямо тянулась, которая обескровила и обнищила целый ряд стран, и которая могла окончиться только тогда, когда один из противников понес бы неоспоримое, жестокое и непоправимое поражение.

Наступило время, когда должны были схватиться вплотную молодая Россия Петра I и находившаяся в зените славы, могущества и величия Швеция Карла XII.

"У меня с Царем мир будет в Москве, и я заключу его по-саксонски," — недобро улыбаясь, сухо оборвал в Альтранштадте разговор Карл XII; стоявший перед

ним в ставке Короля французский дипломатический представитель при саксонском дворе — г. Бюзенваль — пытался склонить Карла XII к мирному урегулированию его отношений с русским Царем.

Когда содержание разговора между Бюзенвалем и шведским королем стало известным Петру I, то последний, улыбаясь, сказал: "Изрядно! Брат мой Карл хочет всегда так поступать, как Александр; однако, я надеюсь, что не найдет он во мне Дария".

Чтобы понять настроение Карла XII и его решение, надо знать, что означает " мир по-саксонски", а также и то, что уготовал шведский король русскому Царю. Это станет ясным из ознакомления с тем "мирным договором", который вынужден был подписать курфюрст саксонский, он же король польский и союзник русского Царя — Август II, отказавшийся от польского престола в сентябре 1706 года.

Вот этот документ:

"Я согласен заключить мир на следующих условиях, и не надо думать, что я в них изменю что-либо.

1. Король Август II навсегда отказывается от польской короны и признает Станислава законным королем и обещает никогда и мечтать о польском троне, даже после смерти Станислава.

2. Он отказывается от всех договоров, и особенно от тех, которые он заключил с Москвой.

3. Он возвращает с почестями в мой лагерь князей Собеских и всех взятых им пленных.

4. Он должен мне выдать всех дезертиров, перешедших к нему на службу, и особенно Ивана Паткуля, и он должен прекратить все преследования против тех, кто с его службы перешел в мою".

Август II покорно и безоговорочно принял эти условия. Петр I остался один на один с Карлом XII.

ПЛАН КАРЛА XII.

Шведский король занялся тщательно укомплектованием своей армии. Начались новые наборы в Швеции, и пошла вербовка в Саксонии, Баварии, Силезии и По-

мерании; в Познани была организована большая армейская база.

В главной армии, назначенной для вторжения в Россию и бывший под непосредственным командованием фельдмаршала Рейншильда, было около 35.000 человек.

В Лифляндии под командованием г. Левенгаупта, было около 16.000 человек.

В Финляндии у ген. Либекера было около 15.000 ч.

В горнизонах Швеции, Лифляндии и Померании было около 42.000 чел.

В Литве под начальством князя Сапеги было около 12.000 литовцев.

В Польше формировались две армии, кадрами которых были 8.000 шведов ген. Красова и 50 рот литовцев; эти армии под общим начальством польского короля Станислава Лыщинского предназначались для занятия Киева и Смоленска.

Генерал Либекер должен был срыть С. Петербург, а потом выйти на линию Псков-Новгород.

Король находился при главной армии.

Закончив эти приготовления Карл XII выступил 21 августа 1707 года из Саксонии, переправился через Эльбу и Одер, и 17 сентября подошел к Слупце, где остановился для приема прибывающих из Швеции 9.000 новобранцев. Переправившись по льду в конце года через Вислу, шведский король пошел на Литву и в январе 1708 года уже вошел в контакт с русскими войсками.

По переходе через Вислу шведский король попал в ту обстановку, которую русский Царь создал сейчас же после Нарвы для противника.

Везде, будь то в России, Польше. или Прибалтике, где бы ни показались шведы — они попадали в какие-то, невиданные в западной Европе, жуткие, зловещие и устрашающие условия. Вокруг них немедленно образовывалась пустота — скот и лошади угонялись перед приходом врага, население исчезало, запасы всякого рода пропадали, деревни горели, мосты не существовали...

Уже в 1702 году Шереметев доносит Петру I:

"Чиню тебе известно, что Всесильный Бог и Пресвятая Богородица желание Твое исполнили: больше той непри-

ятельской земли разорять нечего, все разорили и запустошили без остатку... только и осталось целого места Пернов да Ревель и меж ими сколько осталось около моря от Ревеля к Риге, да Рига, а то все запустошено и разорено в конец..."

Шведские солдаты стали недоедать, недосыпать, выматываться в непосильных моральных и физических условиях, шел падеж лошадей, из за этого надо было зачастую жечь обозные повозки и бросать орудия в болота и реки; все чаще и чаще стали проигрываться бои, а те, которые выигрывались, давали в окончательном результате потерь больше, чем выгод.

Дальновидный Царь, не покладая рук, одновременно лихорадочно строил военный флот, чтобы и с моря изолировать врага.

Таким образом, теория талантливого Мемнона Родосского через 2034 года воплотилась в ужасающую действительность, которая не только уничтожила все преимущества шведской армии в тактике, но и хотя медленно, но беспощадно сокрушала ее.

Прибывши в середине февраля 1708 года в Сморгонь, Карл XII стал на зимние квартиры для того, чтобы дать передышку своей армии, изнуренной форсированными маршами в стиле короля через опустошенный край, да еще в жестокие морозы.

ОПЕРАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КАРЛА XII.

Для открытия дороги на Москву путем уничтожения русской армии, эту дорогу прикрывающей, единственным удобным направлением было Минск—Смоленск—Москва. Вероятно, что этот путь и был бы выбран королем, если бы не появилась новая данная в общем плане: к этому времени уже окончательно оформились в смысле результатов переговоры Карла XII с гетманом Мазепой, который обязался предоставить зимние квартиры шведской армии в Северской области, довольствовать ее в течение всей войны и присоединить к ней малороссийских, белгородских, запорожских и донских казаков, уговорив к этому и калмыцкого хана Аюку.

Поэтому, король решил сначала соединиться на Украине с Мазепой, а потом уже идти на Москву; в это время — соединения с Мазепой — должен был Либекер срыть С. Петербург, а польский король выходить на линию Киев — Смоленск.

Интересно здесь познакомиться с отзывом такого большого стратега, каким был прусский король Фридрих II Великий, по поводу решений Карла XII.

Фридрих II говорит, что Карл должен был войти в Россию вообще путями легкими и прочными, какими не были совершенно ни направления на Смоленск, ни на Украину; надо было итти на С. Петербург через Ливонию и Ингрию, чем сохранялась бы постоянная связь со Швецией посредством флота и по суше с Финляндией Захватывая С. Петербург, он не отрывался бы от Швеции и закрывал бы России единственный выход в Европу.

Во всяком случае вариант Фридриха Великого имел много преимуществ: 1) существовала бы прочная связь с базами в Финляндии, Риге и Познани, и через эти направления шли бы сообщения с Швецией; 2) был бы вообще тыл армии, а не нахождение в воздухе; 3) господствующий в Балтике шведский флот был бы прекрасным средством сообщений и охраны левого фланга армии; 4) таким флотом обеспечивалась бы переброска войск в любую точку побережья, и 5) имелось бы обеспеченное снабжение всякого рода.

Но доводы Мазепы оказались сильнее всего этого, говорила за это и уже создавшаяся обстановка, а именно:

1) Польша, балтийские страны и северо-запад России были опустошены в смысле людского материала и в снабжении лошадьми, съестными припасами и военным снабжением — оттуда давно уже все это было вычерпано;

2) поэтому юг представлял собою более широкую и более богатую базу для движения на Москву; юг обеспечивался взбунтовавшимися донскими и запорожскими казаками; действия этих казаков уже

были согласованы — глава восстания на Дону — Кондратий Булавин несколько месяцев провел для переговоров в Запорожье.

ЛЕСНАЯ.

Карл XII приказал генералу Левенгаупту с 16.000 чел. и с 7-8.000 повозок съестных, военных и госпитальных припасов присоединиться к главным силам армии, которая уже остро нуждалась во всех этих припасах и в людях. Левенгаупт выступил из Риги, и только, из-за трудных дорог, 22 сентября переправился через Днепр у Шклова и пошел на Пропойск.

В это время Карл XII уже отклонился от первоначального направления на Смоленск повернул на Северскую область (Северная Украйна), и этим еще больше отдалился от Левенгаупта. Здесь опять сказалось влияние или Мазепы или его обещаний; но самое главное состояло в том, что не Левенгаупта надо было притягивать к главным силам армии, а последней надо было идти на соединение с Левенгауптом, принимая во внимание его малую маневренность из-за громадного количества повозок.

Армия Левенгаупта (около 16.000 чел.) фактически обратилась в конвой этого громоздкого обоза, и потому теряла, если не все, то очень много в смысле свободы маневра быстроты и удобоуправляемости. Не трудно представить себе, в условиях белорусской природы, эту длиннейшую и неуклюжую колонну повозок, в лучшем случае занимавшую по одной дороге около 30 километров, а по двум дорогам, если была к этому возможность, около 15 километров; и это тогда, когда скорость и порядок движения такого обоза зависели от погоды, состояния дорог и от неизбежных остановок и починок, отзывавшихся на ходе всей колонны и заставлявших армию равняться по обозу. Надо удивляться необыкновенному искусству Левенгаупта, который, имея на своих плечах такую обузу, еще был способен в течение трех дней отбиваться от русской армии, предводимой самим Царем.

Возможным объяснением такого отношения короля к Левенгаупту могло быть то обстоятельство, что в это время Карл XII находился под влиянием богатых и щедрых обещаний Мазепы в смысле снабжения армии на обильной Украине решительно всем, что и побудило короля даже перенести операционную линию на юг. И перед этими широкими обещаниями стушевывалось значение всего того, что Левенгаупту удалось действительно, а не на словах, собрать в скудной Балтике, вплоть до денег, и Карл XII не отдал себе отчета в исключительной ценности и важности той реальности, которую представляла собою армия Левенгаупта с конвоируемым ею обозом. Вместо всего этого, и по вине только короля, Левенгаупт потерял весь обоз, и не только потерял его, но еще хуже во много раз — русские захватили его, потерял в боях большинство своей армии, потерял артиллерию, и привел к Карлу XII 5.000 деморализованных ртов, которых нечем было кормить. И весь гордый план завоевания России был разрушен, буквально до основания, в трехдневной операции у Лесной.

Все, что было после являлось, в общем, только агонией и предсмертной икотой. Смертельно раненый у Лесной добрался из последних сил до Полтавы и испустил дух на операционном столе, а Переволочна и Бендеры были лишь последними этапами похоронной процессии.

На операции у Лесной необходимо было задержаться, потому что по своей интенсивности, продолжительности, упорству и искусству обоих противников она является наиболее ярким из всех сражений, имевших место за восемь лет войны после Нарвы. Здесь Петр I проявил качества истинного великого полководца, а его противник — Левенгаупт в отваге, искусстве и настойчивости показал себя лучшим из шведских генералов Великой Северной Войны. Операция у Лесной ждет своего исследователя. Приведем данные о Левенгаупте: граф Адам-Людвиг Левенгаупт родился в 1659 году в лагере короля Густава под Копенгагеном. Учился в 2 германских и 2 шведских университетах; в 1706

году — лифляндский и курляндский губернатор в чине генерал-лейтенанта; 30 июня 1709 г. взят в плен под Переволочной; умер в Москве в 1719 г. и похоронен в Стокгольме.

Расчеты шведского короля на присоединение к главным силам его армии Левенгаупта с 16.000 чел. и громадным обозом для армейских нужд — не оправдались, операция у Лесной изменила все. Но самым тяжелым ударом для шведов было крушение если не почти всех расчетов на Мазепу, то во всяком случае очень и очень многих.

После Лесной (2 октября) Петр I имел в своих руках все доказательства измены гетмана Мазепы и принял все меры для ликвидации ее последствий. Князь Меньшиков с сильным отрядом был отправлен, чтобы захватить резиденцию малороссийских гетманов — Батурин, который и был 3 ноября взят штурмом и сожжен до тла. Были захвачены все запасы, заготовленные для нужд шведской армии; среди этих запасов были колоссальные склады хлеба, предназначенные для той же шведской армии.

Результаты карательной экспедиции сказались немедленно:

1. был выбран другой гетман — Скоропадский;

2. колебавшиеся казаки снова утвердились в верности русскому Царю;

3. больших запасов Мазепа уже не мог дать Карлу XII, и вместо обещанных 30.000 казаков привел к шведскому королю лишь два полка.

Сражение под Лесной заставило короля призадуматься — в этом сражении русские, будучи в равных силах со шведами, побили их. Был ли это случай, который нередко имеет место на войне, или же шведское командование сплоховало, или же русское руководство оказалось выше своего уровня — определить было трудно, но во всяком случае неудача под Лесной вносила много осложнений в планы Карла. Петр I сразу схватил смысл Лесной — она была для него залогом будущей победы, у короля же она никак не засло-

нила собою Нарву, которая так и оставалась в его представлении неизменным мерилом достоинств русской армии.

Но, если неудача под Лесной лишала Карла XII тех необходимых пополнений и снабжений, на которые он рассчитывал, то последствия мероприятий Царя против измены Мазепы нисколько не меняли плана шведского короля в смысле движения на Москву с юга. Этот план стал крепче, чем когда-либо, потому что после Лесной шведская армия была почти отрезана от Польши и Прибалтики.

ЛИЧНОСТЬ МАЗЕПЫ, ЕГО РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В СОБЫТИЯХ ВОЙНЫ.

Здесь нельзя обойти вниманием личность, которая в описываемых событиях играла значительную роль и которая вошла в русскую историю, как образец предателя.

Мазепа был гетманом малороссийских казаков с 1687 по 1709 год; воспитанник иезуитской школы, знал латинский, польский и отчасти немецкий языки. После школы был пажем при польском дворе.

Гетман лево-бережной Украйны Самойлович вверил ему воспитание своих детей и всячески продвигал Мазепу по службе. В 1687 г. Мазепа подал донос на своего благодетеля Самойловича, а затем оклеветал другого своего благодетеля — князя Василия Васильевича Голицина; оба доноса выдвинули Мазепу — и он стал гетманом и вошел в доверие к Петру I.

Во время Великой Северной Войны Мазепа только выжидал, чья сторона возьмет верх. Перед походом 1708 г. Мазепа обязался доставить королю помощь и припасы, а Малороссию возвратить Польше, за что ему были обещаны княжества Полоцкое и Витебское на правах герцога Курляндского..

Вместе с королем передался туркам и в 1709 году умер, как говорят от яда, который принял. Эта версия очень правдоподобна, потому что Петр I сразу потре-

бовал от Турции выдачи Мазепы, и магометанская установка на изменников была такова, что выдача Мазепы была только вопросом времени.

Зла России в Великой Северной Войне принес много: 1) очень помог Карлу XII своим знанием местных условий, своими связями и своим влиянием на казаков. 2) зная в степях каждую тропинку, он вывел короля в Бендеры, ловко лавируя между русскими отрядами, гнавшимися за Карлом XII. 3) чрезвычайно осложнил Царю обстановку между Лесной и Полтавой.

Умер он в возрасте 70-72 лет. Был опытным полководцем, ловким дипломатом и был отлично знаком с политическим и общественным климатом Москвы, Киева, Варшавы и Стамбула; эти качества его были громадным подспорьем для Карла XII в его войне против Петра I. Кроме того, король, как и Мазепа, отлично говорил по латыни, и Мазепа хорошо также понимал короля, особенно любившего говорить по-немецки. Гетман несомненно поддался обаянию короля и поставил карту на него, но он ошибся в настроениях малороссийской массы, оставшейся верной Царю.

Из этого конспективного наброска видно, что у Мазепы, кроме безграничного эгоизма, честолюбия и полного отсутствия всякой морали, не было никаких идеологических побуждений, изменяя присяге московскому Царю. Той идеологии, которой теперь его щедро наделяют "самостийники".

Стихи Пушкина и поэма Байрона о Мазепе являются своего рода "поэтической вольностью" и с действительностью имеют мало общего.

Мазепа на Украйне играл роль главного интенданта шведской армии и ее генерал-квартирмистра; благодаря ему шведская армия не пропала окончательно от голода и лишений в суровую зиму 1708-1709 г.г. Благодаря ему Карл XII всегда был осведомлен о движениях русской армии, о состоянии ее и крепости Полтавы. Наконец, только благодаря ему король не попал в руки русских после Полтавы.

III.

ДВИЖЕНИЕ НА УКРАЙНУ И ПОДХОД К ПОЛЮ СРАЖЕНИЯ

Слава была для него идолом которому в жертву приносится все. Он менее образован, чем храбр; менее благоразумен, чем активен; менее внимателен к своим действительным выгодам, чем раб своих страстей (слава и месть).

Фридрих Великий о Карле.

ЗИМА 1708-1709 г.г.

Зима эта была чрезвычайно суровой, особенно жесток был январь, когда оба противника как бы по какому-то молчаливому соглашению прекратили всякие военные действия. В шведской армии на походе замерзло до 2.000 человек в один день января. О том, что делалось в ту зиму лучше всего можно судить по истории л. гв. Семеновского полка:

"Во время перехода от Гродно до Бешенковичей Семеновскому полку пришлось претерпеть не малую нужду: много людей умерло от истощения и недостатка продовольствия, а лошади, данные за год перед тем полку, на половину пали за неимением фуража.

...Одежда и обувь сильно износились, лошади пали, численность полка очень уменьшилась вследствие большого числа больных, но вместе с тем убыль не пополнялась и ряды заметно поредели".

Если такова была обстановка в гвардии с ее всего на всего двумя полками — Преображенским и Семеновским — гвардии, над которой Царь дрожал и всячески о ней заботился, то что же было в других русских полках и в шведской армии?

Мы видели уже, что Карл XII вышел из Саксонии с сильной армией, насыщенной многочисленной артиллерией. Из всего этого до Полтавы дошло около половины — остальное было потеряно в эту роковую зиму, и с 32 пушками, из которых в полтавском сражении приняли участие только ЧЕТЫРЕ, остальные, за недостатком огнеприпасов, находились в обозе. Здесь на-

до сказать два слова о пресловутых русских морозах. К ним прибегают тогда, когда надо прикрыть собственные, штабные пробелы; ведь хотя бы в данном случае — шведские зимы нисколько не мягче русских, и русские страдали от морозов не меньше шведов. Все несчастья наполеоновской армии после ухода из Москвы относят за счет русских морозов, оставляя в стороне вопиющие пробелы организационного характера. То же самое у Гитлера под Царицыном-Сталинградом: и немцы и их союзники, кроме итальянцев, — венгры и румыны прекрасно у себя на родине переносят серьезные морозы, а вот почему-то в 1943 году стали чрезвычайно чувствительными к холоду, в котором русские солдаты, имевшие в своей среде не мало уроженцев юга — и очень горячего юга, отлично действовали.

Зима этого года была много суровее предыдущей и ее отголоски дошли даже до Италии и Франции в виде небывалых там сильных морозов.

Суровость этой зимы усиливалась еще тем, что шведская армия не имела теплой одежды, кавалеристы растрепали до лохмотьев свои сапоги, а пехотинцы разбили в клочья свои башмаки. Мазепа хотя и с большим трудом, но все же довольствовал армию голодным пайком. Не было медикаментов, чтобы облегчить положение раненых и больных (весь медицинский запас на армию, который вез Левенгаупт, попал в руки русских); целые деревни обратились в госпитали.

У Карла XII поначалу была возможность прорваться в Польшу и привести там в порядок свою армию, пополнить ее новыми контингентами и лошадьми и войти в тесную связь с Швецией. Его первый министр граф Пипер умолял его об этом в разгар убийственной зимы 1708-1709 г.г. Король ответил, что это было бы бегством перед Царем, а потому об этом и разговаривать бессмысленно, а надо захватить Украйну и итти на Москву (свидетельство доверенного лица Карла XII — капелана Нордберга). Тогда граф Пипер упрашивал короля, чтобы армия пережидала наиболее жестокие морозы на квартирах в Ромнах, но и на это последовал отказ — Карл XII не привык запираться в го-

родах! Его чрезмерное честолюбие, безграничная гордость и непоколебимая уверенность в себе не позволяли ему принять одно из двух разумных и обоснованных решений, и он продолжал упрямо итти на юг. По поводу этого положения и состояния шведской армии прекрасно подходят слова Фридриха Великого о Карле XII: "все, кто командовали армиями со своей ранней молодости, верили в то, что для выигрыша сражений нужны только мужество и смелость; но со времени изобретения пороха военное искусство изменилось".

Здесь Фридрих II имел в виду, говоря о порохе, единственный образец Карла — это Александр Македонский и технические приемы его эпохи.

Дальше прусский король говорит "снабжение войск — первая забота генерала, в этом случае сравнивают войска с зданием, базой которого является желудок. Пренебрежение Карла к этому увеличивало его неудачи и уменьшало его славу".

Вопрос о снабжении принял катастрофические размеры: не было достаточно продовольствия у шведов, а нужда в огнеприпасах для ружей и артиллерии обострилась до крайности. Тогда Мазепа обратил внимание короля на Полтаву, где были сосредоточены большие запасы всякого рода для нужд армии. Карл XII ухватился за эту мысль и в конце апреля осадил Полтаву, которая в создавшейся обстановке приобрела большое значение:

1. там были так необходимые запасы для шведской армии;

2. угрозой Полтаве король принуждал Петра Первого к генеральному сражению;

3. Полтава представляла собою опорный пункт на юге, в котором можно было держаться в случае необходимости до тех пор, пока или Турция не пошла бы на войну с Россией, о чем Карл XII неустанно хлопотал, или же новый польский король — ставленник Карла — не подал бы помощи.

В такой обстановке, и в силу таких соображений началась знаменитая полтавская операция, которая по мысли Карла XII, открывала ему путь на Москву.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ — ПЕТР I И ОППОЗИЦИЯ.

В те поры положение для Царя было очень тревожным. Большинство духовенства держалось оппозиции "не было такого заговора против намерений Петра, — говорит Самарин, — которого наиболее сокровенные нити не скрывались бы в каком-нибудь монастыре".

Его наследник и единственный сын — царевич Алексей — являлся знаменем всей оппозиции, на нем покоились все надежды и расчеты враждебной его отцу боярщины. Для последней сильный, волевой и самостоятельный царь всегда был нежелателен; ей подходил царь или немощный, или бесхарактерный, или малолеток. Царевич Алексей подходил как нельзя лучше.

На юго-востоке, на Дону пылал мятеж Булавина, который поддерживался запорожцами и который пришлось в 1708 г. жестоко подавить. На юго-западе умный и влиятельный Мазепа в глубокой тайне подготовлял полный отрыв Малоросии от Москвы и союз с Карлом XII.

Повсюду волновались "раскольники", порожденные церковными реформами отца Петра I — царя Алексея Михайловича; по своему фанатизму и многочисленности раскольники были ,может быть, самыми опасными из всех врагов Петра I.

Москва дышала "дыхом злобным", когда дело касалось Царя Петра.

В такой обстановке итти на решительное сражение с таким серьезным противником, как Карл XII, было риском неописуемой катастрофы по последствиям в случае неудачи. Вот почему Петр I всячески уклонялся от решительного сражения, выжидая результатов принятой им "скифской войны" и улучшения общей обстановки. Король отлично знал все это — Швеция с давних пор внимательно следила за своим соседом, держала в России хорошо организованную агентуру, которая имела своих людей повсюду. Агентура была такого калибра, что в Смутное Время на московский

престол выставлялся даже шведский король, а шведские войска тогда находились уже в Новгороде — на подступах к Москве.

Зная о положении в России, Карл XII не менее хорошо был осведомлен обо всем, что делалось в армии Царя — здесь действовала агентура Мазепы.

ДВИЖЕНИЕ НА ЮГ.

Петр попрежнему держался крепко "скифской войны": уклонялся от больших сражений, кроме самых важнейших случаев (Лесная), окружал противника малочисленными подвижными отрядами, которые не давали ни днем, ни ночью шведам необходимого покоя, выматывали их силы, подбивали мораль и истощали их терпение, накопляя себе все время опыт и знания в ведении войны против лучших войск тогдашнего мира. Впереди армии Карла XII шла русская конница, которая уничтожала буквально все, что могло быть на пользу противнику, увеличивая этим все больше тяжелое положение шведов.

Карлу XII такие стратегия и тактика были убийственны, и он всячески старался создать обстановку, в которой и сам Царь стремился бы к решающему сражению, которое открыло бы, наконец, королю дорогу в Москву. Карлу XII надо было кончать войну, но кончать ее, как мы видели выше, соответственно его планам, т. е. диктовать мир в Москве, путь в которую шел через поле генерального сражения, в Москве, где короля с нетерпением ждала вся оппозиция Петру I. Русский Царь от такого сражения уклонялся, но теперь, когда Карл XII определенно шел в Полтаву за снабжениями всякого рода, которые ему не удалось получить раньше из-за Лесной и разгрома Батурина, Царь не мог допустить короля в Полтаву — из нее шведская армия вышла бы во много раз сильнее, и тогда загородить ей путь в Москву было бы почти безнадежно. Надо было во что бы то ни стало драться перед Полтавой и не допустить взятия ее шведами.

После бедствий зимы шведская армия, считая только шведов, в апреле дошла до 18.000 человек; с иност-

ранными контингентами из Западной Европы, валахами, запорожцами и казаками в армии было до 30.000 человек. С этими силами Карл XII решил осаждать Полтаву и принудить Царя к решительному сражению.

25 апреля была начата осада Полтавы, которую вели 9 пехотных полков и 1 артиллерийский под общим начальством генерала Шпара.

ОСАДА ПОЛТАВЫ И ЕЕ КОМЕНДАНТ.

К концу мая шведская армия подошла к реке Ворскле, а 15 июня подошел Царь во главе армии в 50.000 человек. Петр I торопился к Полтаве, потому что Келин доносил об очень тяжелом положении крепости из-за недостатка всего.

Мы видели выше, какую роль в расчетах обоих противников в этих чрезвычайной важности событиях, от которых зависело и будущее России и Швеции, играл небольшой городок Полтава — маленькая географическая точка, возведенная обстоятельствами в степень первоклассного политико-стратегического фактора.. И отсюда вытекают исключительные требования к тому, кого царская воля поставила в предвидении грозного будущего комендантом этой маленькой точки.

Полковник Иван Степанович КЕЛИН, по другой траскрипции — КЕЛЛИН, в нашей истории числится человеком неизвестного происхождения и неизвестно откуда появившимся. В Германии есть местечко Кель, но и на Кавказе имеется местечко и небольшой народец того же имени — Кель, а в русском языке есть слово — келья. Но все это особого значения не имеет, важно то, что орлиное око Петра I уже задавно до Полтавы выделило из среды других командира полка Келина, привлекшего внимание Царя своей волей, знанием военного дела, инициативой, решительностью и спокойствием в действиях против шведов в Прибалтике.

Интересно отметить, что полк, которым там командовал Келин, был прародителем знаменитого в императорской армии пехотного Кабардинского полка.

И вот этот полковник Келин и был назначен в 1708 году Петром I комендантом крепости Полтавы. Название крепость в приложении к небольшого в те времена военного значения точкам (Полтава была крепостью против татар) обозначала место, обнесенное земляным валом и бревенчатым забором (палисадом) на манер Белогорской крепости из "Капитанской Дочки" Пушкина. Такого типа была и крепость Полтава с той поправкой, что ее склады провиантского и военного снабжения в зиму 1708-1709 г.г. Царем были сильно увеличены.

Новый комендант — Келин в помощь гарнизону, имевшему 4.200 солдат, мобилизовал, вооружил и обучал 2.600 полтавских мещан, а Полтаву быстро ввел в обвод военно-инженерных укреплений принятого тогда в важных случаях характера и профили.

Царь, как никто отдавал себе отчет в тогдашнем значении Полтавы, заботы о которой у него постоянно были в голове и в сердце. Он выбрал для нее наилучшего коменданта, с которым был в постоянной связи, во время осады переписывался с ним записками, вложенными в пустые пушечные ядра; тем же способом и Келин сносился с Царем. Петр I успел, несмотря на шведское обложение, ввести в Полтаву 900 солдат, как подкрепление ее гарнизона. И это тогда, когда Царь нуждался в каждом солдате для своей маневренной армии.

Таким образом, ни полтавский гарнизон не чувствовал себя заброшенным, или изолированным от армии, ни последняя не считала себя оторванной от крепости, и оба чувствовали себя частями единого целого, управляемого властной и заботливой рукой, обеспечивающей наилучшее взаимодействие этих частей в достижении поставленной задачи.

Полтава испытала семинедельную осаду, которая истощила силы и запасы гарнизона; за это время шведы ЧЕТЫРЕ раза штурмовали крепость. Причем первый штурм был произведен уже первого апреля отдельным отрядом, выброшенным Карлом XII далеко вперед, — до такой степени король торопился со взятием Пол-

тавы! Дальнейшие более организованные нападения тоже были отбиты; при начавшейся осаде Келин делал постоянно вылазки и разорял шведские работы, ведя все время оборону крепости в активном порядке.

Последний штурм, произведенный 22 июня, продолжался целый день с страшным ожесточением с обеих сторон; все попытки шведов утвердиться на валу и овладеть городом были отбиты, и к вечеру они отступили, потеряв 1676 человек; урон гарнизона — 278 убитых и 603 раненых. Всего же Келин потерял за время осады 1186 убитыми и 1720 ранеными, выведя из строя до 6.000 шведов и их союзников.

Штурм 22 июня показал Царю, что дальше откладывать генеральное сражение было нельзя, и Петр I решил атаковать шведскую армию в день своих именин — 29 июня, когда к армии должны были подойти еще подкрепления. Все это стало известным Карлу XII, который, во-первых, не мог допустить, чтобы ЕГО атаковали, а во-вторых, хотел, чтобы сражение имело место до подхода подкреплений, и поэтому назначил атаку русской армии на 27 июня.

И Петру I такое решение Карла XII стало немедленно известно обычным путем, т. е. через казаков.

РАНЕНИЕ КАРЛА XII.

У короля было обыкновение подъезжать слишком близко к линии противника, когда он сам производил рекогносцировку неприятельского расположения. Всегда в его свите были раненые и офицеры и лошади; когда ему указывали на опасность такого ознакомления с линиями противника, король неизменно отвечал, что он любит эту "забаву под горчичным соусом"

16 июня Карл XII отправился на рекогносцировку русского расположения, во время которой он и свита его обстреливались на очень короткой дистанции и обильно. Уже кое-кто из свиты был ранен, под генералом Левенгауптом была убита лошадь; король видимо решил, что достаточно "забавляться", повернул своего коня и в этот момент русская пуля попала ему в пятку, прошла по подошве и застряла у большого пальца.

Рана была нехорошая — кость пятки была разбита, потом начала гноиться и поднялась температура. Среди врачей подымался вопрос об ампутации ноги, что король категорически отверг; боли были мучительные. В такой обстановке производились приготовления к генеральному сражению. Для короля специально были сделаны носилки-качалка; состоявший неотлучно при Карле XII генерал Понятовский (отец будущего русского ставленника на польском престоле) — командир шведской гвардии короля Станислава Лыщинского — организовал особый конвой для охраны короля шведского.

ПОДХОД РУССКОЙ АРМИИ К ПОЛЮ СРАЖЕНИЯ.

19 июня Царь перевел свою армию к деревне Черняхово, где были заранее устроены переправы, прикрытые редутами, а 20 июня наша армия перешла Ворсклу и стала в укрепленном лагере у д. д. Петровка и Семеновка. Наконец, 25 июня русская армия перешла еще на 3 километра по направлению к Полтаве и стала в новом укрепленном лагере.

Здесь необходимо обратить внимание на следующее. Все эти передвижения и инженерные работы Царь делает на глазах шведов, которые никак на это не реагируют — Петр I держит себя, как на маневрах, а Карл XII ведет себя, как зритель. В чем же дело?

Некоторые исследователи объяснят это тем, что король берег скудные запасы огнестрельных припасов для решительного сражения, и потому никак не реагировал на передвижения своего противника. Несомненно, что вопрос об этих припасах имел значение в глазах Карла XII, но, по-нашему, главная причина была в другом. А именно —

Почти все шведские генералы и старшие офицеры бывшие под Полтавой, были в свое время участниками ошеломляющей победы над русской армией у Нарвы. И с нарвскими воспоминаниями и впечатлениями они бросились в полтавское сражение, а впереди их всех с такой "нарвской психологией" был их король. Они все проглядели, или не хотели замечать, тот гро-

мадный процесс перехода полуазиатских полчищ, в массе, в первоклассную армию того времени. Процесс, в котором в восьмилетних боях и походах потом и кровью, и бесспрерывным напряжением ковалась та титаническая сила, которая стала костяком молодой Российской Империи.

Этим только и можно объяснить себе все то легкомысленное отношение, с которым Карл XII шел на завоевание России, завоевание для него совершенно очевидное и неизбежное, а главное — ничем и никем не могущее быть устраненным и в этом он ни минуты не сомневался.

До какой степени король был уверен в благоприятной для него развязке, можно судить по вышеизложенному. Царь, наконец, сам ищет сражения с Карлом XII, и с этой целью 20 июня переправляет свою армию у д. Черняхово через два рукава Ворсклы, устраивает укрепленный лагерь между Петровкой и Семеновкой и укрепляет полевыми инженерными работами будущее поле сражения. Карл XII, на глазах которого это все происходит, ничему не мешает; вместо того, чтобы немедленно атаковать русскую армию, как только она переправились на правый берег Ворсклы, не давая Царю ни времени, ни возможности осмотреться и приготовиться, король остается безмолвным зрителем, и как будто упускает чрезвычайно благоприятный случай кончить с русской армией. Такого рода поведение можно объяснить только непоколебимой уверенностью Карла XII в его победе, и то, что он позволял Петру I беспрепятственные переправы и инженерные работы по укреплению поля сражения, не беспокоило короля раз в тылу и на фланге русской армии находилась Ворскла с ее притоками в топких берегах — русским некуда будет спасаться!

Русская победа под Лесной не произвела на генералитет должного впечатления — там ведь не было непобедимого короля, там командовал Левенгаупт только! Между тем, Левенгаупта надо считать наиболее выдающимся шведским генералом. Но Нарва доминировала надо всем; не беда, что под Полтавой нет ар-

тиллерии, под Нарвой было то же самое и все обернулось потрясающей победой, громом отдавшейся во всех углах Европы.

ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ И ЕГО ОБОРУДОВАНИЕ ЦАРЕМ.

Русский укрепленный лагерь был расположен на равнине, имеющей по 2,5 километра в длину и ширину, и ограниченной на восточной стороне р. Ворсклой, которая здесь течет 3-5 рукавами в топких лугах, а с запада и юга двумя большими лесами, между которыми был промежуток около двух километров, и наконец, с севера — лощиной, за которой шла другая равнина. В тылу укрепленного лагеря находилась река и заболоченные луга, путь отступления отходил от правого фланга лагеря. Затем, в промежутке между лесами была выстроена линия из 6 редутов, а 26 июня перпендикулярно к ним еще 4 редута, из которых два не были закончены. Редуты эти играли роль передовой позиции и имели важное значение: они должны были свести на нет самое большое тактическое преимущество шведов — их непоколебимую сомкнутость; штурмуя эти редуты, шведы должны были подвергаться и перекрестному огню, а проходя между редутами, терять свою сомкнутость; редуты были заняты двумя батальонами. С вечера 26 июня русская армия расположилась так:

17 полков конницы — позади редутов; у дер. Малые Будищи — казаки и калмыки Скоропадского; вправо от редутов — 6 полков конницы князя Волконского для связи со Скоропадским и для обеспечения правого фланга армии; 56 батальонов и 72 орудия — в укрепленном лагере.

ОБРАЩЕНИЕ ПЕТРА I К ОФИЦЕРАМ ГВАРДИИ И АРМИИ И КО ВСЕМ ВОЙСКАМ.

Положение московского Царя, вынужденного против своей воли принять наконец генеральное сражение, было трагичное. При поражении он лишался престола, враг занимал столицу, страна теряла свою независимость, сходя на степень Финляндии, т. е. шведской колонии, но увеличенного размера.

И в этом отношении обращение Петра I к офицерам давало абсолютно точную картину того, что было венцом стремлений шведского короля.

Накануне сражения Петр I, около полудня, остановился перед гвардией, а потом и перед армией. Вызвав вперед всех штаб и обер-офицеров ,он обратился к ним со следующими словами:

"Товарищи! Завтра съ помощью Всевышняго, кончимъ мы войну съ врагомъ, уже въ половину побѣжденнымъ .Вы были свидѣтелями, колико дерзкіе непріятели храмовъ Божіихъ православнаго нашего закона въ конскія обратили стойла, колико осквернили алтари, попирая ногами святыню, на которую и зрѣть недостойны, ругаясь обрядомъ святымъ и посмѣваяся истинной нашей вѣрѣ. Вамъ извѣстно, что кичливый и прозорливый их король войску своему росписалъ уже въ Москвѣ квартиры, генерала Шпарра пожаловалъ генералъ-губернаторомъ московскимъ и любезное наше отечество опредѣлилъ раздѣлить на малыя княжества и, введя въ оное еретическую вѣру, совсѣмъ истребить. Оставимъ ли такія ругательства презрѣніе наше безъ отмщенія? Да не будет!"

Полное драматизма обращение Царя к его армии вечером перед тем же полтавским сражением ни в какой мере не было преувеличено — оно полностью отвечало суровой действительности. Вспомним его чеканные слова, звенящие железной решимостью, пронизанные непоколебимой волей, трагизмом и безграничным самоотвержением; таких примеров высоты человеческого духа в минуты смертельной опасности имеется немного в мировой истории.

Вечером того же 26 июня войскам был прочитан знаменитый приказ Петра I:

"Воины! Се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь.

Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, побороющаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго въ бранѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего".

И действительно, в буквальном смысле этого слова, настал час, в который должно было решиться положительно все — Вера православная, честь, достоинство ,независимость, целость и будущее Российского Государства. Даже под Бородиным не было такой безисходности, какая была у Полтавы в тот погожий летний день 27 июня, потому что под Бородиным рядом с Россией стояла сильнейшая в мире Англия. С этой безисходностью равняется только хмурый северный день 15 июля 1240 года ,когда Александр Невский разбил тех же шведов, бывших под начальством Биргера и несших с благословения Римского Папы на своих копьях католичество в русскую землю; равняется терпкий, осенний день на Куликовом Поле, где Мамай нес на своих копьях самую звериную форму рабства в многострадальную Русь. И вот после них Карл XII мечтал о переделке московского государства в необъятную германическую колонию лютеранского характера.

IV

ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ

Воспоминания о Нарве были главной причиной несчастья Карла у Полтавы.

Вольтер

НОЧЬ С 26 НА 27 ИЮНЯ.

В эту ночь в обоих лагерях никто не спал, и войска находились в полной боевой готовности. Шведы ожидали последнего приказа, а русские — появления шведов на передовой позиции.

Около полуночи Карл XII вызвал к себе фельдмаршала Реншильда и приказал начать атаку русского расположения в 2 часа утра, пехотой командовать Левенгаупту, а конницей — Шлиппенбаху. Король перед Полтавой оставил всего 2 батальона шведских войск, а остальные были присоединены к маневренной массе, и перед крепостью их заменили запорожцы.

ВОЗМОЖНЫЙ ПЛАН СРАЖЕНИЯ КАРЛА XII.

Приказ короля фельдмаршалу Рейншильду начать сражение в два часа утра наводит на следующие мысли относительно плана сражения.

Карлу Полтавы взять не удалось, но удалось наконец принудить Царя к решительному сражению, к которому так стремился шведский король.

В шведской армии крайний недостаток огнеприпасов не был устранен, и до такой степени, что из имевшихся 32 арт. орудий только ЧЕТЫРЕ могли стрелять: и надо полагать, что и с ружьями было не лучше, так как пороху было чрезвычайно мало. Следовательно предстоящее генеральное сражение должно произойти в такой обстановке, в которой огнестрельному оружию нечего было делать, т. е. должно иметь место в темноте, действуя холодным оружием, и все должно было быть законченным к первым лучам солнца. Этому помогало и то обстоятельство, что в заболоченной излучине Ворсклы и утренний туман держался долго.

При превосходстве шведской армии в работе пехоты и конницы сомкнутыми строями, которые являются основой и природой ночных действий, король считал что у него много данных на успех; к тому же ночью и вопрос численности не имеет такого значения, как днем, а возможность паники у атакуемого в темноте всегда велика.

Но Карл XII не учитывал того что в шведской армии в тот момент огромным недостатком была ее мораль, подбитая тяжелым, ужасным, невиданным раньше прошедшим годом, с проигранным сражением у Лесной, и небывалыми лишениями суровой зимы. Этой надломленной моралью и поте-

рей былой уверенности в своей непобедимости страдали в массе и офицеры и солдаты, а сам король, которого они все впервые видели на носилках больным, раненым русской пулей, был как бы эмблемой этой морали.

Засветло король, лежа в носилках прошел по всем рядам своих войск, напоминал прежние победы и призывал солдат биться с врагом, не раз бежавшим перед доблестью шведов.

В 2 часа утра шведская армия (26 батальонов, 22 полка конницы и 4 орудия), находившаяся у северной стороны Полтавы, по знаку Карла XII, пошла в атаку. Впереди шла пехота в четырех колоннах, а за ними в шести колоннах шла конница.

С обычным порывом и свирепостью шведы бросились на редуты, а их конница, проскакав между редутами, бросилась на русскую конницу, стоявшую за редутами. Завязался кавалерийский бой, длившийся с переменным успехом около 2-х часов, к концу этого времени шведы ослабели — наши отобрали у них 14 знамен и штандартов. Тогда король приказал своей пехоте пройти между редутами и помочь своей коннице; этот проход, несмотря на туман, обошелся дорого шведской пехоте.

Весь розыгрыш пролога полтавского сражения, пролога предрешающего исход этого сражения был возложен королем на генерала Крейца: он должен был во главе 5.000 драгун обрушиться на русский фланг в то время, когда русские будут атакованы с фронта. Шведская фронтальная атака компактных строев русской конницы увенчалась успехом — центр расположения русской кавалерии был прорван; в это время ген. Шлиппенбах с успехом атаковал правый русский фланг и, ударь в другой фланг мощной массой в 5.000 драгун Крейц — конница Меньшикова была бы уничтожена. Но Крейц в темноте сбился с данного ему направления, заблудился и никуда не вышел — русская конница была спасена! На рассвете она нашла и порубила драгун Крейца, а его самого взяла в плен. Ген. Шлиппенбах — начальник шведской конницы был в это время уже

пленником Меньшикова, который быстро сумел ликвидировать и прорыв фронта русской конницы и загиб правого фланга.

К несчастью с Крейцем присоединилось для Карла XII и другое. Правая пехотная колонна ген. Росса в темноте отщепилась от главной массы, попала в лес, там рассыпалась, начала искать выхода из леса, попала на драгун Меньшикова, которые ее порубили, бежала к шведскому лагерю и по дороге попала в плен вместе с Россом.

Наступил рассвет и от прекрасно задуманного в сложившейся обстановке плана Карла XII осталось очень немного.

РАССВЕТ, И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТУМАНА.

Когда шведская пехота по приказу короля прошла через проходы между редутами для оказания помощи своей коннице путем нажима на русскую конницу, то Петр I приказал этой коннице отойти на правый фланг укрепленного лагеря. Было около 4 часов утра, но видимость должна была быть плохой из-за тумана; тонкий правый берег Ворсклы, которая здесь — между Полтавй и Петровкой течет, образовывая сеть разветвлений, является очагом туманов. Если прибавить к этому и леса, то туман может продержаться часов до пяти утра, затрудняя кругозор и видимость.

Пехота шведов бросилась за нашей отходившей конницей вдоль фронта укрепленного лагеря, приблизилась к нему своим флангом очень близко (около 35 метров) и попала под убийственный картечный огонь русской артиллерии: шведы уже расстроенные атакой редутов и прохождением между ними, были отброшены в большом беспорядке к западному лесу, где король и генералы стали устраивать их.

Около 6 часов, Царь отправив 3 батальона с Головиным к монастырю для открытия сообщения с Полтавой и оставив 6 батальонов в лагере, вывел остальных из лагеря и построил боевой порядок:

11 полков конницы Баура на правом фланге;

42 батальона Шереметева в центре;
6 полков конницы Меньшикова на левом фланге, и артиллерия Брюса по всему фронту.

В 9 часов русская армия двинулась вперед. Шведы в это же самое время пошли на русских остатками своей армии: 18 батальонов, 14 полков конницы и 4 орудия (в центре пехота в одну линию, а на флангах конница в две линии). Два часа длился ожесточенный бой.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ БАТАЛИЯ. И РУССКАЯ ВИКТОРИЯ.

Большой интерес представляет в смысле основного документа "Журнал Петра Великого", который дает следующую картину Полтавского Сражения.

"Непріятель въ 27 день, поутру весьма рано, почитай при бывшей еще темнотѣ на нашу кавалерію, какъ конницей, такъ и пѣхотой своею съ такой фуріей напалъ, чтобъ не токмо конницу нашу раззорить, но и редутами овладѣть; однакожъ въ томъ много оной повинности нашелъ, и только двумя редутами (которыя тоя ночи зачаты были и не отдѣланы) овладѣлъ; а протчимъ никакой вреды учинить не могъ, такъ что 6 батальоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ шквадроновъ кавалеріи, его съ праваго крыла отъ главной арміи при томъ оторваны и въ лѣсъ уйти принуждены были".

Дальше "Журнал" передает:

"Хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, — однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось: ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такой храбростью вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ,еже наивяче удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіей строились, гнаны; при томъ въ началѣ генералъ

маіоръ Штакельбергъ, потомъ же генералъ маіоръ Гамильтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ, и принцъ Виртенбергскій купно со многими полковниками и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми, отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9.234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты, и отъ ранъ померли, которыхъ счесть было невозможно' а въ той баталіи король шведскій велѣлъ себя раненого возить въ качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечнымъ ядромъ отстрѣлена. А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, такъ же сколько съ нашей стороны людей побито и ранено — тому послѣдуетъ роспись. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобно мало слыхано) съ легкимъ трудомъ и малой кровію противъ гордаго непріятеля черезъ самого государя персональной, храброй и мудрой приводъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержана; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулей прострѣлена, и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла".

ПЕРЕЛОМ СРАЖЕНИЯ. ПАНИКА И БЕГСТВО КОРОЛЯ

В решающий день Полтавы королю рана, конечно, мешала, но его решение руководить боем полулежа в качалке, а не с седла, было не только ненужным, но и роковым.

Конечно, король не сам пожелал улечься в качалку — его несомненно уговорили и врачи и некоторые приближенные это сделать. Сам Карл XII, в силу его харак-

тера, должен был быть против этого, но возможно, что боли были нестерпимые. Рана не позволяла ходить, но допускала езду верхом, что события и доказали, когда после бегства фронта на Переволочну, король несколько раз был в седле. Во всяком случае, идея насилок была чрезвычайно неудачной, и, как показали события, даже губительной.

Во время этой решающей фазы боя, когда дело шло к развязке, наконец, судьба впервые за 9 лет войны, в этот день, поставила Карла XII и Петра I друг против друга, да еще так, что один видел другого; и это видели и их войска. Всем было ясно, начиная с Царя и короля, и кончая солдатской массой, что сегодня одна из сторон обречена на полное уничтожение.

Петр I понимал, что второй Нарвы Россия не переживет, а Карл XII был убежден, что без новой Нарвы он не добьется ничего ни для себя лично, ни для Швеции. Бой принял самый ожесточенный характер. Но тут в момент наивысшего напряжения сражения русская артиллерия развила такой всесокрушающий огонь, что шведская пехота дрогнула; фельдмаршал Рейншильд подскакал к королю и задыхаясь доложил:

"Ваше величество, наша пехота пропала! Товарищи, спасайте короля!" Повернул обратно, снова бросился в бой, и скоро был взят в плен.

В это время весь шведский фронт очутился под ураганным огнем артиллерии и русское ядро опрокинуло качалку и Карл XII вывалился на землю; один из солдат бывших по соседству с качалкой, увидя ядро и поднятый им столб пыли, а самого короля на земле,завопил — "король убит!" С быстротой молнии этот крик облетел компактные строи шведской армии; части ее по соседству с качалкой повернули и бросились бежать, за ними понеслись и остальные. Напрасно Карл XII кричал, грозил и умолял — все было тщетно.

Когда русское ядро попало в качалку и король вывалился, не получивши повреждений, тот же Понятовский наспех собрал около 500 кавалеристов, посадил короля на коня и прорвался к обозу шведов; два раза

лошади были убиты под Карлом XII. В обозе нашли коляску, посадили в нее короля и понеслись к Переволочне; туда же, по параллельной дороге, хлынула и шведская армия.

Произошел психологический перелом, кризис. Моральное и физическое напряжение в течение долгого времени, перетянутые нервы, кочевание по чужим странам, железная стойкость и бесстрашие русских в последние годы и в этом бою особенно, подорванная вера в былую непобедимость шведской армии, ужасная зима по лишениям всякого рода, нелюдимое население, убогая страна, да и все так отличающееся от Западной Европы. Король руководящий сегодня сражением с носилок, чего раньше никогда не было, а русский Царь в тоже время повсюду носится на огневом коне. Будучи в седле, Карл XII также естественно мог быть сброшен на землю, как и из качалки, но тогда не было бы тяжелого влияния предвзятости о серьезном недавнем ранении короля, ранении якобы мешающем Карлу XII руководить сражением в привычных для всех условиях и формах.

Вся эта гамма впечатлений и переживаний одним последним ударом — единым истерическим воплем о смерти короля — в лице его той первой и последней основы и надежды, на которых все держалось, воплем-детонатором взорвалась стихией животного безумного страха-паники, бросившего лучшую армию той эпохи в бессознательное, неудержимое никакими преградами бегство, в котором растворилась без остатка легендарная шведская дисциплина.

Есть пределы хроническому недоеданию, недосыпанию, переутомлению моральному и физическому, пределы перейдя которые лучшие войска обращаются при каком-то неожиданном подходящем случае в стадо гонимого ужасом скота, как при какой-то последней капле воды в сосуде, или при какой-то предельной эмоции, нарушается уровень, границы и рамки определенных форм и содержания и начинается хаос, анархия и коллективное безумие.

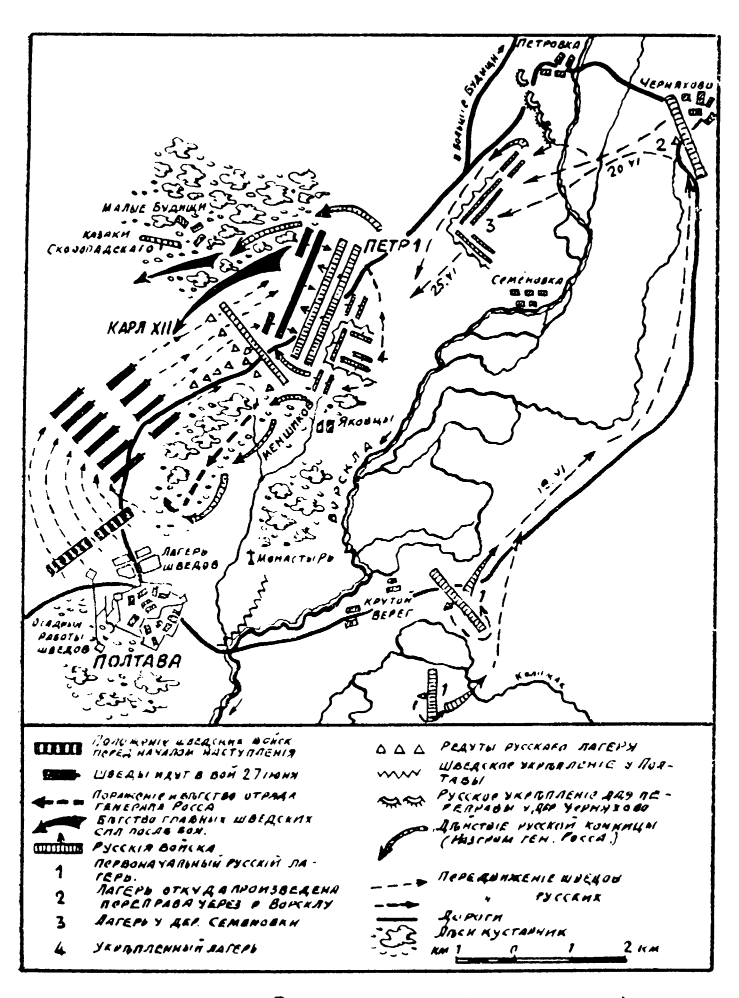

Схема Полтавскаго боя (27-VI-1709г.)

ОТСТУПЛЕНИЕ ОСТАТКОВ ШВЕДСКОЙ АРМИИ К ПЕРЕВОЛОЧНЕ.

Командующий армией фельдмаршал Рейншильд — в плену, король увезен. Распоряжаться стал Левенгаупт — блестящий генерал шведской армии. Он прекратил панику и начавшееся бегство перевел в формы отступления, настолько организованного, что присоединил к себе те 28 артиллерийских орудий, которые находились в шведском лагере. По приказу надо было отступать на Переволочну, туда и направился Левенгаупт прямо с поля сражения у Полтавы во главе остатков армии, которых было около 14 тысяч. Не было ни куска хлеба и ни горсти пороха, а путь от Полтавы до Переволочны имеет около 70 километров по воздуху.

Никакого преследования Петр I не организовывал — все равно шведам далеко уйти не пришлось бы; он только приказал Скоропадскому наблюдать за движением врага, и Скоропадский прямо с поля сражения отправился выполнять полученную задачу.

ПЕТР I В ПОЛТАВЕ.

Как только выяснилась бесспорность полтавской победы, Царь в сопровождении свиты поскакал к крепости. У входа в нее стоял Келин со своим штабом. И тут произошла историческая сцена полная величия и благородства

Петр I, не доходя до Келина, остановил свиту, оставил своего коня, снял шляпу, и один пешком, с обнаженной головой, подошел к доблестному коменданту, крепко обнял его и расцеловал, благодаря в сердечных выражениях Келина, гарнизон и Полтаву за службу Родине. Кроме того, наградой Келину был царский портрет на золотой цепи для ношения на шее, производство в генералы и 10.000 золотых рублей — очень значительное состояние по тем временам.

Когда через два года после этого Петр I выходил на войну против Турции, то для защиты тыла армии им комендантом крепости Азова был назначен тот же Колин.

Затем, больше данных о Келине не имеется.

Незаметно он откуда-то вышел на сцену нашей истории, и, сыграв блестяще свою роль, также незаметно и куда-то исчез, как исчезали и до, и после него скромные русские герои.

Характер его участия в полтавской операции ставит его в первый ряд действующих лиц той эпопеи. Без его сотрудничества, основанного на его редких военных качествах, полтавская победа была бы проблематичной. Вся операция сводилась в главном к тому — удастся ли Карлу XII ворваться в Полтаву, или нет? В первом случае это помогало бы основанию громадной шведской империи, и превращению России в колонию германизма; во втором случае, как это и произошло, это было началом создания необъятной русской империи, и низведения могучей Швеции на роль второстепенной державы.

Поэтому, то, что было сделано Иваном Степановичем Келиным в важнейший момент Великой Северной войны останется навеки в памяти и сердцах тех русских людей, которые чтут и не забывают героев своего Отечества.

ОКОНЧАНИЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОГО ДНЯ И ЕГО ИТОГИ.

На поле сражения собрались все участники его (офицерский состав); перед каждым из них Петр I опускал свою шпагу, поздравлял с победой, а потом, обратясь ко всем, сказал:

"Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленные! Пòтом трудов моих создал я вас' вы, имея любовь к Богу, к вере православной, к церкви и ко мне, не щадили живота своего, и на тысячи смертей устремлялись безбоязненно. Храбрые дела ваши никогда не забудет потомство!"

Затем все войска были собраны среди поля сражения, и в походной церкви раздались напевы хвалы Всевышнему за дарованную России победу. В заключение "Журнал" говорит:

"По окончанiи сего счастливаго боя государь обѣдалъ въ обозѣ своемъ въ палаткахъ или шатрахъ, и при томъ всѣ наши генералы, штапы и оберъ-офицеры, такожде и шведскiе плѣнные генералы были; во время той баталiи первый шведскiй министръ, графъ Пиперъ, увидя, что ему спастись невозможно, самъ прiѣхалъ въ Полтаву купно съ секретарями королевскими, Цедергельмомъ и Дибеномъ; и потомъ онъ, Пиперъ, приведенъ былъ въ помянутую же ставку къ государю, и съ протчими плѣнниками трактованъ тутъ же за столомъ, гдѣ сидѣлъ шведскiй фельдмаршалъ Рейнъ-Шильдъ и протчiе генералы: между тѣмъ же, государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейнъ-Шильда въ воинскихъ дѣлахъ, пожаловалъ ему шпагу свою и позволилъ ее носить".

Вечером Царь отправил князя М. М. Голицына с Преображенским и Семеновским полками на лошадях на Переволочну, а за ними и князя Меньшикова с конницей.

ТРОФЕИ И ПОТЕРИ.

Под Полтавой было взято: 137 знамен и штандартов, 4 орудия, около 3.000 пленных, 6 генералов, 5 полковников (среди которых принц Виртембергский) и 59 офицеров.

В "Журнале" Петра I дается цифра убитых шведов с точностью до одного человека — 9.234, но еще с оговоркой — "кроме тех, которые в розни по лесам и полям побиты, и от ран померли, которых счесть было невозможно". С другой стороны, все могшие передвигаться, кроме небольшого количества пленных, ушли на Переволочну с Левенгауптом, с которым Меньшикову сдалось 14.030 чел. (История Семен. п.). В полтавском сражении со стороны шведов участвовало около 30.000 человек (из них шведов около 18.000 чел. по Вольтеру) против 50.000 русских. Значит % только убитых и раненых надо считать не меньше половины состава шведской армии. Так оно и должно было быть — после рассвета началось уничтожение русским огнем

шведской армии, которая дралась в большинстве случаев холодным оружием. Русских потерь "Журнал" не дает, говоря о них уклончиво — "с малым уроном наших войск, еже наивяще удивительно есть", а в другом месте — "с легким трудом и малой кровию".

И действительно, русские потери должны быть исключительно низкими: напр. история Семеновского полка дает цифру потерь в полку: убитых 59, раненых 106 ч., а под Лесной тот же полк потерял 827 чел., потому что там шведы не нуждались в огнеприпасах. Вольтер дает цифру русских потерь под Полтавой — 52 офицера и 1293 солдата, а всего 1345 человек.

В числе трофеев тот же Вольтер перечисляет еще, как попавшие в руки русских: всю осадную артиллерию перед Полтавой, все обозы, шведскую войсковую казну и миллионы польской и саксонской казны, а также очень ценный и интересный архив первого министра графа Пипера.

МЕНЯЛСЯ ЛИ ИСХОД ПОЛТАВСКОГО СРАЖЕНИЯ, ЕСЛИ БЫ КАРЛ XII НЕ БЫЛ БЫ РАНЕН, А СЛУЧАИ С КРЕЙЦЕМ И РОССОМ НЕ ИМЕЛИ БЫ МЕСТА?

Нет, не менялся и вот почему. Король в общем, как всегда, все управление держал в своих руках; он только не показался верхом войскам — это был моральный дефект, о чем уже была речь. В рядах шведского командования были такие первоклассные вожди, как фельдмаршал Рейншильд и ген. Левенгаупт, что за управление армией опасаться не приходилось.

1. Если бы конница Меньшикова была бы разгромлена, то в СЗ углу поля сражения, у д. Малые Будищи, находился гетман Скоропадский с обсервационным конным корпусом в 20.000 казаков и калмыков, а непосредственно правый фланг армии охранялся 6 конными полками князя Волконского; эти конные части всегда могли бы взять на себя хотя бы часть задач разбитой конницы и могли бы стать опорными точками (рассеянной) ее.

2. 72 русских артиллерийских орудий под управлением Якова Брюса были против 4 шведских; и русские

орудия под Полтавой не были артиллерией времен Нарвы, о чем так ошибочно мечтали шведы, начиная с их короля.

3. Инженерная подготовка поля сражения, произведенная Царем, была превосходной. Фридрих Великий в своем анализе полтавского сражения приводит отзыв прусского фельдмаршала Кэйта, бывшего фельдмаршалом в русской армии и имевшего возможность очень основательно ознакомиться с полтавским полем сражения. По свидетельству Кэйта редуты и их расположение были таковы, что имей Карл XII хотя бы даже стотысячную армию, то все равно он не справился бы с этими редутами атакой в его стиле — их надо было брать один за другим, теряя массу людей и времени.

4. Царь противопоставил шведской армии очень солидную подготовку поля сражения в военно-инженерном отношении — вещь, с которой шведы вообще плохо справлялись. Перед Полтавой у них был опыт с Торунью (Торном), укрепления которой почти не отличались от полтавских — шведы в течение ТРЕХ месяцев беспрерывно атаковали эту крепость пока добились желаемых результатов).

На полтавском поле сражения было десять редутов (два из них не были закончены вооружением и были взяты шведами), о них мы уже говорили выше. Русский лагерь, где были сосредоточены пехота и артиллерия, представлял собою отлично укрепленный плацдарм, площадью около квадратного километра; атаковать его ночью было безрезультатно — сопротивление было бы огневое с наводкой засветло, действовать против него днем, не имея артиллерии, было бы самоубийством.

5. Если бы король был в добром здравии, а Крейц с Россом даже исполнили бы все возложенное на них, то все это только оттянуло бы во времени окончательную развязку — русская победа могла бы быть выиграна к вечеру, или на следующий день, или даже позже, как у Лесной, но она всегда бы была выиграна при наличии указанных выше преимуществ русской стороны, а особенно благодаря присутствию на поле сражения

Петра I. Под Нарвой на поле сражения был Карл XII. Царь отсутствовал; под Лесной на поле сражения был Петр I, Король отсутствовал, и лишь под Полтавой впервые за 9 лет оба монарха встретились на поле сражения, да еще так, что могли видеть друг друга невооруженным глазом; и моральное влияние на войска Петра I было неоспоримо сильнее, чем его противника; обращение Царя к офицерскому составу и ко всей армии перед сражением было классическим примером моральной подготовки войск. В сравнении с этим обращение Карла XII было патетическим, благодаря тому, что произносилось с качалки, но не имело той силы и динамизма, которыми были пронизаны обращения Царя, и не имели того прямого проникновения в разум и сердце, как слова Петра I.

V

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ВТОРЖЕНИЯ В РОССИЮ

Между выигранным и потерянным сражением лежат целые империи.

Наполеон

Когда Левенгаупт подошел с остатками армии к Переволочне, то там его ожидал новый удар — в смысле устройства переправы через Днепр ничего не было ни подготовлено, ни сделано, хотя 3-4 дня тому назад было выслано 2.000 кавалеристов для подготовки между Полтавой и Переволочной этапных пунктов. Левенгаупт уперся со своей голодной армией в Днепр у впадения в него Ворсклы, как в западню. Там и нашли его гвардейцы под командой доблестного князя Голицына, который и начал переговоры о сдаче с Левенгауптом.

Можно себе представить, в каком состоянии была армия последнего, некормленная уже третьи сутки, прошедшая через полтавский разгром и двухдневный марш на Переволочну, видевшая обгонявшего ее в рас-

шатанной коляске больного короля в сопровождении бывшего казачьего гетмана Мазепы и польского генерала Понятовского и под конвоем, который составляли представители различных народностей — повторяем — не трудно себе представить состояние войск, если Левенгаупту — храбрейшему из храбрых шведской армии — привыкшему не считать врагов, а всегда атаковать их, пришлось, имея за собою около 14.000 человек, разговаривать с командиром русской гвардии численностью около 4.000 человек!

Во время этого разговора прибыл князь А. Д. Меньшиков со своей конницей и быстро состоялась сдача на милость победителя.

Никакой шведской армии, гордой своими победами и способной на высшие проявления воинской доблести уже не было: перед Меньшиковым находились тысячи голодных, разбитых нечеловеческой усталостью людей с опустошенной душой. В руки победителей попали 14.030 человек положивших оружие, 127 знамен и 28 пушек. ,

"И тако Божіей помощью вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія, которая бытіемъ въ Саксоніи не малый страхъ въ Европѣ причинила, къ государю россійскому в руки досталась", — говорит "Журнал" Петра Великого по этому поводу.

Уныло, потухшими, неподвижными глазами смотрели шведские воины на другую сторону реки, в безграничную степь, на то уменьшающееся облако пыли, которое, как им говорили, окутывало несшегося в волнах ковыля от русской погони шведского короля и его конвой.

С этим летящим облаком уходили в небытие все грандиозные, горделивые, волшебные мечты о Великой Швеции, вбирающей в себя для начала север Западной Европы, Саксонию, Польшу, Балтику, Финляндию и необъятную страну московитов. . .

Траурным покрывалом опустилось это облако на ослепительные победы целого ряда шведских королей, на торжествующие шведские марши, гремевшие во всех

странах Европы, на все упоение сказочных успехов, поражавших тогдашний мир.

Неслись в памяти, обгоняя друг друга, видения недалекого прошлого. Блистательная северная Венеция — Стокгольм, широко раскинувшийся на своих островах и перед волей которого трепетали многочисленные страны Европы, суровое северное море, ставшее шведским морем, шведские порты на материке Европы — щеголеватые Штетин и Стральзунд, красавец Дрезден в нарядной Саксонии, очаровательная Варшава и строгий средневековый Краков. Прибалтика с ее рыцарскими замками и ее форпостом — Нарвой и с изумительной победой при ней.Жуткая, невыносимая зима прошлого года, лишения без конца, болезни, бедные хаты, хмурое население, невылазная грязь дорог — какой-то неведомый мир призраков... Затем катастрофический, неслыханный и небывалый разгром под Полтавой, кошмарное бегство и позорная сдача на берегу мутного Днепра — скифского Борисфена, — серая бедная Переволочна.

И вдруг вся прошлая упоительная баллада, красочная скандинавская сага как-то и странно и просто в то же время, обратилась всего навсего в прах — в горсть пыли, облачком быстро тающей на пустынной дороге скучной, захолустной московской провинции...

БЕГСТВО КАРЛА XII В ТУРЦИЮ.

По дороге в Переволочну коляска короля сломалась, его снова посадили в седло и стали искать другую коляску. Ночью Карл XII оторвался от конвоя и заблудился в лесу, где и провел ночь. Утром его нашли и добрались до Переволочны, где с трудом разыскали две поместительных лодки и коляску, которую установили в одну из них, а в другую сел король с Понятовским и Мазепой, имевшим при себе богатую казну. Во время переправы лодка стала давать течь и ¾ сокровищ Мазепы пришлось бросить в воду; конвой переправился вплавь. В это время к Левенгаупту подошли русские гвардейцы.

Вскоре переправился через Днепр и отряд князя Волконского, имевшего задачей схватить короля, но Мазепа знавший прекрасно каждую тропинку в степях и спасавший свою собственную голову, после пяти дней гонки, вывел Карла XII благополучно в Очаков. Карл XII получил там разрешение пройти в Бендеры, т. е. в Турцию. Отряд Волконского успел только захватить часть конвоя короля, а остальные прошли благополучно в Бендеры.

На территории Российского государства с этого дня не осталось больше ни одного вооруженного шведа. Великая Северная Война продолжалась после Полтавы еще 12 лет — до 1721 года, так как Швеция не хотела заключать мира, все еще надеясь на какой нибудь счастливый для нее оборот событий. Фактически же эта война решилась под Полтавой, а остальное это было хождение по инстанциям стороны оттягивавшей уплату по проигранному судебному процессу.

По миру 1721 года Швеция признала все завоевания Петра I, кроме Финляндии, и Россия, наконец, получила то, к чему стремилась веками — свободный выход к морю: южное побережье Финского залива от Выборга и восточная часть южного побережья Балтийского моря стали русской собственностью.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛТАВЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Наш русский историк — С. М. Соловьев так расценивает событие 27 июня: "Полтавская виктория была одним из величайших всемирно-исторических событий: могущество Швеции, созданное искусственно, посредством завоеваний, было сокрушено; исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и пред народами Запада явилось новое, обширное и могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшихся до сих пор непобедимыми. При громе Полтавской победы родился для Европы, для общей европейской жизни новый великий народ; но и не один народ: при громе этой битвы родилось целое новое племя, племя славянское, нашедшее себе достойного пред-

С
НОРВЕГІЯ
ШВЕЦІЯ
ФИНЛЯНДІЯ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
СТОКГОЛЬМЪ
РЕВЕЛЬ
ПЕТЕРБУРГЪ
НАРВА
ПЕРНОВЪ
ЛИФЛЯНДІЯ
НОВГОРОДЪ
ПСКОВЪ
РИГА
СТРАЛЬЗУНДЪ
ЛИТВА
ШТЕТИНЪ
КОВНО
ПОЛОЦКЪ
ВИТЕБСКЪ
МОСКВА
ПОМЕРАНІЯ
ГРОДНО
ГОЛОВЧИНЪ
ШКЛОВЪ
СМОЛЕНСКЪ
ПОЗНАНЬ
ДРЕЗДЕНЪ
МИНСКЪ
ДОБРОЕ
МОГИЛЕВЪ
ЛЕСНАЯ
АЛЬТРАНШТАДТЪ
ВАРШАВА
КРАКОВЪ
ДЕСНА
ВОРОНЕЖЪ
КІЕВЪ
БАТУРИНЪ
ДНѢПРЪ
ПОЛТАВА
ПЕРЕВОЛОЧНА
ТУРЦІЯ
ЗАПОРОЖЬЕ
ВОЛГА
ДОНЪ
БЕНДЕРЫ
ОЧАКОВЪ
АЗОВЪ
ДУНАЙ
150 км. 0 150 300
МАСШТАБЪ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ

ставителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни."

Французский философ Вольтер — автор "Истории России времени Петра I", — приходит к следующему заключению:

"В случае, еслибы Царь погиб под Полтавой, то наиболее обширная империя в мире обратилась бы в хаос, из которого только недавно вышла."

В один день были потеряны все жертвы и труды девятилетнего напряжения, которые поставили Швецию во главе тогдашней Европы.

В один день Швеция из первоклассной державы низошла на степень второклассной и в тот же день родилась на месте малоизвестного, отсталого московского государства блестящая Российская Империя.

Для внутреннего положения России Полтава была той благодетельной, всеочищающей и всеоживляющей грозой, которая загнала в щели подполья противников Петровской Империи, зажала им рты и лишила их возможности надолго вредить молодой России. Это были эгоистические элементы той реакции, которая в самоотравлении лютой ненавистью и жгучей завистью солидаризировалась и с Карлом XII, и с турецким султаном, и с Мазепой и с Булавиным, и вообще с каждым, который мог бы принести какое нибудь зло России в лице Петра I. Потому что это было время, когда Петра уже нельзя было отделить от новой России, а последнюю от Петра; они срослись и слились до такой степени, что представляли собою одно и неделимое целое — величественную, могучую и грозную Петровскую Державу.

VI

ЭПИЛОГ

> **На что в России не взгляни — все его началом имеет, и что бы впредь не делалось, — от сего источника черпать будут...**
>
> **И. И. Неплюев о Петре I**

250 лет прошло с того исторического дня, который решил судьбу России и Швеции, и судьбу двух великанов доблести и духа — Петра I и Карла XII.

Сегодня, как и два с половиной века тому назад, бьется гордостью русское сердце при упоминании имени великого Императора, и волна горячего обожания подымается в груди каждого шведа, когда произносится имя их знаменитого короля; мы уже говорили о том, что Карл XII хотел сделать из России, и в чем благодаря Царю Петру I он успеха не имел. Теперь наш долг сказать о том в чем заключается заслуга Короля перед Россией, заслуга, конечно, совершенно помимо его желания.

Благодаря ему Великая Северная Война была двадцатилетней идеальной школой для кадров русской армии. В беспрерывных военных действиях и боях против шведов — лучших воинов той эпохи — русская армия вытренировалась и вошла в первый ряд мировых вооруженных сил.

Петр I не даром на месте Полтавской победы пил за здоровье своих учителей в военном деле — шведов; а в следующие после этой победы дни он приказал сформировать из пленных шведских офицеров и солдат пешую и конную роты, которые и должны были производить ежедневно свои учения, как строевые так и тактические в присутствии Царя и его офицеров — Петр I никогда не упускал случая учиться!

Ведь не будь Великой Северной Войны — у кого пришлось бы учиться молодой русской армии?

На каком опыте создавать русскую военную доктрину? Из какого источника вышли бы незабываемый Ку-

нерсдорф, знаменитый Итальянский поход и славный 1812 год? И суворовский бессмертный завет—"Глазомер, быстрота и натиск" — шел все из того же источника.

1708 и 1709 годы, как и 1812 год шли под знаком воскрешенной Петром I скифской войны, тогда когда русское командование полностью использовало и русские просторы, и их пустынность, бездорожье, климат и положительные для нас стороны скудных местных средств.

И другие годы, когда русская армия гигантским прыжком появляется в другом мире — западно-европейской тесноты, чистоты, хороших дорог и сытой жизни в мягком климате — в центре Пруссии и на полях Италии. Здесь она применяет манеру воевать молниеносными ударами, все время идя на сближение с противником, ища решительного сражения—манеру противоположную скифской войне. Бьет непобедимого Фридриха II при Кунерсдорфе, и в трехдневном бою на Требии бьет начисто лучших генералов восходящего военного гения — Бонапарта.

И эта способность русской армии одинаково драться при всякой и во всякой обстановке идет оттуда же — из двадцатилетней школы Великой Северной Войны; способность, которой не имела ни армия Карла XII, ни армия Наполеона, ни группы армий Гитлера, как только они попадали в русский океан земли, океан безграничного пространства. Здесь они безнадежно терялись — насколько они уверенно действовали в обстановке Западной Европы, настолько в Восточной Европе все было незнакомо, непривычно и враждебно. Начинались грубейшие ошибки; их понимали, чувствовали и сознавали, но от них отделаться не могли.

Мы только что видели, как Карл XII, один из блестящих полководцев своего времени, вышел из Саксонии в поход против России с большой по тому времени, отлично вооруженной и снабженной армией, закаленной в победоносных боях, и под командой прекрасных генералов и офицеров, рвался к решительному сражению, но получил его в русском бездорожьи, распутицах и морозах, и в голодовке, после длинного ряда мелких

изводящих боев только тогда, когда его армия была измотана до предела, уменьшилась до невероятных размеров от болезней и лишений, нуждаясь решительно во всем, начиная от сухаря и аптекарской мази, и кончая порцией пороха, и которая под Полтавой, как тяжко больной, легла на операционный стол под скальпель Петра I.

Эти свойства военных действий в русских условиях знали и знают решительно все, но подходили и подходят к ним, не отдавая себе полного отчета в них. Ошибки Карла XII мы видели выше.

Наполеон I уверял, что он никогда не повторит ошибок короля и... еще больше увеличил их. Гитлер клялся, что он никогда не повторит ошибок Наполеона I, заморозившего свою Великую Армию в России и посадившего ее на паек дохлой конины; и сам пустил в зимнюю кампанию на восток своих солдат в холодных шинелях, стал топтаться перед Петербургом и Москвой, и в броске на Волгу со своими союзниками итальянцами, венграми и румынами потерял начальную скорость своего движения и вмерз в глубокие снега Поволжья

Повторяем — все это было, есть и будет прямым следствием мысли, воли и трудов Петра I Великого. Великого по творчеству в области русского военного искусства, которое достигло и во многих случаях опередило военное дело первоклассных европейских государств. Будучи творцом в деле военного искусства, он занимает место в крайне ограниченном числе великих полководцев, тех гениальных людей, которые умели все делать, могли все делать и хотели все делать".

Буэнос Айрес **П. Н. Богданович**

27. 6. 1959 г.

Того же автора:

"Аракчеев"

Цена — 1.50 амер. доллара; в Аргентине — 50 пезо.

С заказами обращаться —

P. N. Bogdanovitch

1632 Luis Sáenz Peña, Buenos Aires, Argentina.

Цена ам. $ 1.20

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102, Buenos Aires - T. E. 54-4644